

Глава 30

Чудо польской «Солидарности» и российской

К концу лета 1980 года взоры всего цивилизованного мира обратились к Польше. Всеобщая забастовка польских рабочих, ее мощь, сплоченность, решительно мирный, ненасильственный характер, поддержка всего польского общества — это было каким-то чудом. Чувствовалось, что первые требования рабочих — стабилизация цен и повышение зарплат — только повод, а сутью было стремление порушить тлетворный режим крепостного социализма. Поражало и то, что во главе этой борьбы стояли исключительно сами рабочие, и не было над ними и за ними каких-либо политических партий или иных «руководящих сил», стремившихся использовать забастовку в своих целях, как это часто случалось в истории.

Для меня дни и месяцы борьбы польских рабочих были временем великой радости и счастливых потрясений. С самого начала я немедленно связался с польской редакцией «Свободной Европы» и с польской эмиграцией и стал насыщать свои передачи новостями из Польши. У меня к тому времени осталась программа «Рабочее движение», и под напором событий мне удалось даже добиться двух получасовых передач этой программы в неделю вместо одной.

Польские рабочие хоронили «теорию» российских «либеральных» диссидентов об «уходе рабочего класса с корабля истории». На станции и в эмиграции на меня стали смотреть с некоторым страхом, как на черта. Большинство эмигрантов до того насмеялись над моими взглядами на инженерно-рабочий класс и его возможную роль, и вдруг — я оказывался прав!

Омрачалась моя радость лишь тревогой, не вмешается ли опять кремлевская нечисть?

Точно так же, как и я, воспринимали польские события большинство политэмигрантов из Чехословакии, Венгрии и других восточноевропейских стран. В нашей же эмиграции, как среди ее национал-патриотического большинства, так и среди немногочисленных «либералов», жило опасение: вдруг дело опять пойдет к «социализму с человеческим лицом», как в Чехословакии! В 68-м наши эмигранты, как я уже рассказывал, достаточно страху натерпелись, что пражские реформы могут оказаться успешными.

Национал-патриоты к тому же подозревали «Солидарность» в антирусских настроениях, в стремлении вырваться из «великой империи», а «либералы» — морщили нос по поводу того, что движение возглавляли рабочие. Нашим «патриотам» не нравилось и то, что борьбу «Солидарности» поддерживала католическая церковь, которую они считали (и считают) врагом России номер два, после «мирового еврейства».

А польские рабочие тем временем шли к победе. Все новые круги польского общества включались в поддержку их борьбы, крестьяне подвозили к бастующим заводам продовольствие, видные польские интеллектуалы-диссиденты помогали им в качестве экспертов. (Не претендуя при этом на роль лидеров! что тоже очень примечательно и поучительно для российских интеллектуалов.)

Власти извивались, пытались действовать и кнутом угроз и пряниками обещаний, создали даже антисемитское «Патриотическое общество Грюнвальд», которое провозгласило лозунг ««Солидарность» должна быть польской!». Это в то время, когда среди активистов проф-объединения было, как шутили поляки, «всего лишь пол-еврея» — знаменитый диссидент Адам

Михник, у которого к библейскому народу принадлежал кто-то из родителей. Напомню, что после поражения первой польской «революции» в 1956 году и поворота правительства бывшего реформатора Гомулки к антисемитской пропаганде и погромам подавляющее большинство польских евреев покинули страну.

В конце августа 80-го «Солидарность» победила: добилась легализации и обещания от властей выполнить ее экономические требования. Но экономическое положение страны и народа, естественно, не улучшалось. «Солидарность» в качестве профобъединения не в состоянии была добиться успеха: пирог валового продукта польской экономики был настолько тонким, что передел его в пользу рабочих и служащих не мог дать ощутимого результата.

И весной 1981 года случилось новое чудо — началась «вторая революция», как назвали это поляки: «Солидарность» повела борьбу за радикальное изменение социально-экономической системы, за создание «общества социалистического самоуправления», как определили свою цель активисты «Солидарности». Наши эмигранты не зря беспокоились! А для меня этот поворот означал возрождение надежды на торжество моих идей.

Все, что касается этой «второй революции» «Солидарности», до сих пор очень плохо известно в России, так как информация о ней тщательно скрывалась советскими коммунистами и умалчивается нынешними российскими антикоммунистами-либералами, да и коммунистами из КПРФ также. Ни тем, ни другим, ни третьим такая информация на дух не нужна! Поэтому я подробнее остановлюсь на содержании второго этапа борьбы «Солидарности».

В начале 81-го по инициативе работников Гданьской судовой верфи было создано специальное объединение для разработки программы и плана введения трудового самоуправления на предприятиях страны, получившее наименование «Сеть ведущих предприятий», или просто «Сеть». В нее вошли представители 17 крупнейших предприятий и 18-м членом — группа польских ученых из отделения «Солидарности» Академии наук Польши. (На существование такого отделения тоже обратим внимание!)

К началу лета на заседаниях «Сети» был разработан проект соответствующих реформ, и 7 июля он был вынесен на Всепольское совещание активистов «Солидарности», которое проходило также на Гданьских судовых верфях, флагмане профобъединения. Проект был одобрен совещанием, и началась борьба за реализацию этих реформ.

Вот их основные контуры, как они изложены в главных программных документах «Солидарности»: «Проекте закона об органах самоуправления», «Направлении деятельности» и «10 условиях возрождения самоуправления трудящихся».

В большинстве отраслей народного хозяйства трудовые коллективы предприятий и учреждений должны были получить право управлять ими с помощью органов самоуправления, распоряжаться имуществом и распределением прибылей. Органы самоуправления должны были состоять из представительных и исполнительных «ветвей». Члены исполнительных органов (администрации) могли избираться коллективами или наниматься ими по конкурсу.

Самоуправляющиеся предприятия должны быть независимы от государства, которое не должно им мешать ни богатеть, ни разоряться.

В Госсекторе (по первой прикидке) должны оставаться предприятия энергетики (включая угледобычу), транспорта (главным образом железнодорожного), военной, фармацевтической и вино-водочной промышленности.

Экономика должна функционировать на принципах свободного рынка и свободы для всех видов собственности.

Однако самоуправляющиеся компании должны действовать без каких-либо акций, чтобы вновь не оказаться в положении эксплуатируемых.

Средства для создания новых предприятий и новых рабочих мест должно выделять главным образом государство. Созданные таким образом предприятия должны переходить в управление и распоряжение новых трудовых коллективов. (Слово «владение» не употреблялось, чтобы не дразнить «красных гусей» в Варшаве и особенно в Москве.)

Финансировать создание новых предприятий государство должно исходя из конъюнктуры рынка и интересов всего общества.

(Авторы программы в последних трех пунктах подходили вплотную к ключевому положению моего представления о синтезном социализме и к практике кооперативных федераций типа «Мондрагона».)

Исполнительная государственная власть в целях повышения ее эффективности и борьбы с бюрократизацией и коррупцией должна контролироваться двухпалатным парламентом (Сеймом), одна из палат которого должна формироваться из представителей органов рабочего самоуправления, а также представителей частного сектора и объединений крестьян-фермеров. Такая «Палата самоуправления» должна контролировать экономическую деятельность исполнительной власти, в том числе и финансирование строительства новых предприятий.

Учреждения такой палаты предполагалось добиваться после укоренения самоуправления в народном хозяйстве.

Ясно, что эта палата, комплектуемая из представителей самоуправляющихся коллективов, должна была стать беспартийной по своей сути!

Как видим, программа «Солидарности» четко была направлена на синтез определенных принципов социализма и капитализма и была в этом отношении более продвинутой, нежели программа Пражской весны. Причина этого понятна: за прошедшее время на Западе широко развернулась деятельность размножившихся компаний и корпораций, принадлежащих работникам, и их ассоциаций.

И все же важнейший пункт — механизм расширения производства — в программе «Солидарности» несколько отставал от уже сложившейся практики расширения кооперативных ассоциаций на Западе. У них расширение производства, как мы уже знаем, финансируют сами работающие кооперативные компании, делая вклады в региональные кооперативные инвестиционные фонды, которые финансируются и государством (по статье борьбы с безработицей). Но контролируют инвестиционные фонды только представители их пайщиков — компаний, принадлежащих работникам. Такой механизм обеспечивает большую эффективность и гибкость расширения производства и большую защищенность от бюрократизации и коррупции. Но авторы программы «Солидарности» не спешили делать этого уточнения, очевидно, не желая опять же слишком пугать свои и московские власти.

Коснусь коротко вопроса о самостоятельности польских рабочих и причин несамостоятельности и пассивности советских рабочих. Польские рабочие действовали на самом деле самостоятельно, и в то же время без помощи других слоев общества (кроме правящих), и в первую голову интеллигенции, у них бы ничего не вышло. Как не вышло в 70-м году, когда рабо-

чие не были поддержаны обществом и интеллигенцией. Для такой революционной по существу деятельности, какую проводила «Солидарность», была необходима аккумуляция энергии всего общества. Дело тут, думаю, далеко не в одних только советах и советниках. Важнее сам факт, что к объединившимся рабочим с предложением помощи приходят профессора и крестьяне, священники и артисты, что комитеты «Солидарности» образуются не только на заводах, но и в Академии наук и даже в милиции! Одно слово — солидарность!

Создание «общества социалистического самоуправления» не рассматривалось активистами «Солидарности» как нечто переходное и временное. (Как то пытаются утверждать некоторые наши либералы!) Двадцатого октября 1981 года Лех Валенса сделал в Париже шумевшее заявление, что «и французские рабочие жили бы лучше, если бы владели и управляли своими предприятиями».

Главный представитель «Солидарности» за рубежом (уже после разгрома профобъединения) Ежи Милевский в интервью, данном мне для радио, четко высказался: ««Солидарность» боролась за самоуправление не из тактических соображений. Мы не смотрели на самоуправление как на что-то временное и переходное».

Так же относилась к реформам «Солидарности» и значительная часть остального польского общества. Глава польских католиков кардинал Вышинский говорил в своих «Свентокшеских проповедях»:

«Боюсь, чтобы не возродился у нас дух капитализма, чтобы демократическое устройство не управлялось капиталистическим образом, ибо тогда человек был бы низведен до положения робота и оценивался лишь с точки зрения его производственных способностей».1

Не правда ли, невероятно для российского догматического сознания, что такое говорит глава польской церкви?

Папа Иоанн Павел Второй (Кароль Войтыла) напишет в 1982 году в энциклике «Занимаясь трудом»:

«Человек труда — это не просто орудие производства, но и личность, имеющая в ходе всего производственного процесса приоритет перед вложенным в дело капиталом. Самим актом своего труда человек становится господином на своем рабочем месте, хозяином трудового процесса, хозяином продуктов своего труда и их распределения».

Как видим, та же программа «Солидарности». Но мало этого — в 1988 году Папа предупредит общественность в странах соцлагеря:

«Капитализм не должен служить образцом для стран Восточной Европы после падения там коммунистических режимов».

О том, насколько тесно связано в Польше мнение «костела», как говорят поляки, с мнением значительной части польской общественности, говорить, думается, нет смысла.

Меня, к слову, соотечественники иногда спрашивают: «Может быть, Папа Римский был скрытым коммунистом?!». На что я отвечаю, что в том-то и дело, что он никогда не был коммунистом! И потому не кидается в противоположную крайность, чтобы затоптать поглубже свое красное прошлое, не боится говорить то, что ему представляется логичным.

А вот как оценивали борьбу «Солидарности» за социалистическое самоуправление вне Польши.

¹Цит. По: Михник А. «Польский диалог: церковь — левые» Лондон. 1980.С.90

Джером Корабель, социолог, профессор Гарвардского университета (США):

«Вопреки обвинениям газеты «Правда» и надеждам «Уолл-стрит Джорнал», «Солидарность» глубоко предана стародавним идеалам социализма. И ее программа, если она будет претворена в жизнь, даст рабочему классу такие права, какими он не обладал прежде не только в социалистических, но и в капиталистических странах».¹

Збигнев Бжезинский, социолог, в прошлом — советник президента Картера:

«Основной вопрос современности заключается в том, ожидает ли человечество будущее в соответствии с моделью тоталитарного государства, описанного Орвелом, или же мир будет развиваться в направлении плюрализма, основанного на принципах самоуправления. «Солидарность» — это не только лозунг, не только один из героических периодов польской истории, но и доказательство того, что подлинные стремления современного человека направлены на построение комплексного общества, базирующегося на самоуправлении».(Вашингтон пост.3.08.1982)

«Комплексный» здесь — аналог «синтезного»!

И подобных оценок было очень много. Такая вот мощная энергетическая волна исходила от борьбы польского «инженерно-рабочего класса», аж через океан переклестывала! Идеи «Солидарности», будучи близки природе человека, захватывали людей самого разного социального положения.

И еще одна яркая и важная оценка:

«Разумеется, нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на независимые друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей».

Это мнение духовного отца нынешних правителей России — Юрия Андропова!²

Именно «демократии без дисциплины» противопоставили теперь бывшие сослуживцы Андропова свою «управляемую демократию». То есть авторитаризм, прикрытый управляемыми выборами, управляемыми судами и СМИ.

В октябре 1981 года в Гданьске состоялся первый съезд «Солидарности», посвященный утверждению проекта закона об органах самоуправления для его последующей передачи в Сейм. Без преувеличения можно сказать, что весь мир наблюдал за ходом этого съезда.

Особого внимания съезд удостоили обитатели Кремля: на рейде Гданьска появилась эскадра советских ВМФ во главе с авианосцем «Киев»! Так боялись советские коммунисты, что где-то может осуществиться лозунг Октябрьской революции: «Фабрики — рабочим, власть — Советам». (Советы в данном случае — Координационные комитеты «Солидарности» и Палата самоуправления в Сейме.)

Съезд как сугубо деловой и демократический проходил в две сессии с недельным перерывом между ними, чтобы делегаты могли лучше продумать свою позицию и провести консультации с избирателями. В перерыве Лех Валенса, человек по характеру весьма авторитарный, по собственной инициативе вступил в переговоры с руководителями Сейма по проекту закона о самоуправлении и пришел с ними к компромиссному решению: Сейм согласился при-

¹«Филадельфия инквир».2.12.1981

²Андропов Ю. Интервью для Би-Би-СИ. 18.11.1981 — за три недели до разгрома «Солидарности»!

нять в закон примерно 70% пунктов из проекта «Солидарности». В связи с этим на второй сессии съезда разразилась буря: делегаты были возмущены самоуправством Валенсы. На голосование был вынесен вопрос об отстранении его с поста председателя Центрального координационного комитета. Ничтожным перевесом голосов он был оставлен на этом посту, но схлопотал строгий выговор с предупреждением. Одобрен был в конце концов и компромисс с Сеймом.

Партийное руководство страны отчаянно сопротивлялось легализации этого компромисса, однако в ноябре в атмосфере нарастающего давления со стороны всего общества Сейм утвердил закон о самоуправлении и постановил ввести его силу с 1 января 1982 года.

Кремль, как и руководство польской компартии, такая перспектива, естественно, не устраивала, и началась концентрация советских войск на польской границе. В результате польским коммунистам удалось склонить высшее польское офицерство к введению военного положения и разгрому «Солидарности» для предотвращения советского вторжения.

Ранним утром 13 декабря подготовленное в глубокой тайне военное положение было введено. Подавляющее большинство активистов «Солидарности» были «интернированы», попросту брошены в тюрьмы, кое-кому удалось уйти в подполье или бежать из страны, Лех Валенса был взят под домашний арест.

Советские и польские коммунисты спешили с разгромом «Солидарности» не случайно. После 1 января 1982 года им пришлось бы уже отбирать заводы и фабрики у рабочих, что было бы слишком большим на весь мир скандалом.

Итак, мои надежды снова рухнули. Помню, когда я услышал сообщение о введении в Польше военного положения, у меня потемнело в глазах и захотелось исторгнуть жизнь из себя. В глубине сознания быстро было просчитано, чем все это обернется для России и для меня соответственно. Для России это обернулось реформами Ельцина — Гайдара — Чубайса, строительством убудочного номенклатурного капитализма, «управляемой демократией» Путина, преступными чеченскими войнами, вырождением и вымиранием страны и народа.

Предвижу вопрос, почему поляки после освобождения из-под ига Москвы в эпоху Горбачева не вернулись к реформам «Солидарности»? Да потому, что народу, а «Солидарность» 1980—1981 годов была плодом народного движения, трудно за короткий срок накопить энергию для нового революционного подъема. Люди в Польше, как и в Чехословакии, потеряли надежду на возможность каких-либо перемен под гнетом Советского Союза, никто не думал, что удавка Москвы так скоро может лопнуть, и к моменту, когда она неожиданно разорвалась, в стране не существовало какого-либо организованного объединения сторонников «социалистического самоуправления». И при этом нужно было быстро избавляться от существовавшего строя, что проще всего было сделать путем приватизации и акционирования. Что и в Польше удовлетворяло значительную часть номенклатурных коммунистов и красных директоров. Как и в Чехословакии сыграл свою роль страх перед Россией. Хотелось поскорее слиться с Европой, уйти под ее защиту и ради этого ничем не отличаться от Европы. В этой спешке не приняли во внимание предупреждения своего же Папы — Кароля Войтылы о том, что «Капитализм не должен служить образцом для стран Восточной Европы после падения там коммунистических режимов.»

И еще часто задается вопрос, а был ли бы успешным синтезный уклад в Польше? Я уже отвечал на этот вопрос в связи с Пражской весной, но повторю на всякий случай. Ячейки та-

кого уклада, множющиеся на Западе в последние полвека, — очень успешны! И нет никаких оснований сомневаться в том, что и в высококультурных странах Центральной Европы «синтезный уклад» развивался бы победно.

А теперь о чуде российской «солидарности»

Я даже не знаю, как начать о нем говорить — настолько невероятно это чудо. Каждый день, начиная с мая 1981 года, приносил все возрастающий поток сообщений из Польши о борьбе «Солидарности» за строй самоуправления. На Западе на первых полосах газет и по телевидению выступали по этому поводу ученые и политики, эксперты и писатели, священники и выезжавшие из Польши представители «Солидарности», включая Леха Валенсу; публиковались статьи, репортажи, брошюры, велись дискуссии. Даже в парламентах шли споры по поводу «второй революции» в Польше. Выдвижение советской эскадры к Гданьску во время проходившего там съезда «Солидарности» вызвало едва ли не панику в Западной Европе. Непрерывно сообщалось о борьбе поляков за строй самоуправления и в прессе всех восточноевропейских эмиграций, включая украинскую и прибалтийскую. Мне заказывали на эту тему статьи и брали у меня интервью.

И только массмедиа Советского Союза и русской эмиграции не замечали борьбы «Солидарности» за трудовое самоуправление! Разве это не чудо солидарности? Кого с кем? Политэмиграции с Кремлем и Лубянкой!

Когда я первый раз собрался писать об этом феномене, я даже решил проверить себя — стал еще раз просматривать все политические эмигрантские газеты и журналы за вторую половину 1981 года. Что называется, своим глазам не мог поверить!

Среди причин игнорирования борьбы «Солидарности» за самоуправление была, конечно, и догматическая, «реактивная» неприязнь российских эмигрантов ко всему, что пахло социализмом (в том числе и нежелание хоть частично признать мою правоту), но такая плотная информационная блокада на протяжении всего времени «Солидарности» и всех последующих лет была бы, конечно, невозможна без цементирующего действия представителей КГБ в эмиграции.

И когда я увидел эту блокаду, окончательно понял, что и блокада моих работ и идей в эмиграции также цементировалась КГБ. До того времени я боялся, не преувеличиваю ли я свою роль.

Параллельно с блокадой деятели нашей эмиграции начали извращать и фальсифицировать цели «Солидарности».

А. Солженицын в интервью с Бернаром Пиво говорил:

«Движение «Солидарности» и Леха Валенсы — это и есть одно из проявлений, как может Восток освободиться сам. Обратите внимание, это движение не имеет ничего общего с социализмом. И никогда уже Восточное освободительное движение не будет социалистическим. Социализм нам уже отвратен.... Поляки сейчас показывают сплочение на христианстве и против социализма и коммунизма».¹

Как всегда, «классик» следовал принципу: «Жить не по лжи, не вылезая из лжи!».

НТС в изданном «Посевом» сборнике «Солидарность. 1980—1982» не приводит ни одного программного документа «Солидарности» о самоуправлении или хотя бы цитат из них.

Слово «самоуправление» упоминается два-три раза вскользь в перечислениях. В то же время доказывается, что «...государственное мышление «Солидарности» и предлагаемые ею направления преобразований и весь подход к решению общественных проблем чрезвычайно близки тому, что предлагает для России НТС — Союз русских солидаристов» (с. 170—171).

И далее в сборнике поясняется, что конкретно предлагает НТС для России: «...структуру общества на основе групп населения, выполняющих определенные функции на службе всему обществу: например, со-

трудники сфер здравоохранения, народного образования, средств сообщения, сельского хозяйства, важнейших отраслей экономики и т. п. В энциклике «Квадрагезимо анно» эти общественные группы названы корпорациями» (выделено НТС. — В. Б.). В такой корпорации сотрудничает «сообщество людей, объединенных общим служением одному делу, солидаризированных этим самым в одно общее «мы»... сотрудничают представители разных видов физического и умственного труда» (с. 169—170).

Значит, от министра, хозяев и директоров до рабочих и служащих предприятий в рамках одной отрасли. Такие корпорации несовместимы, разумеется, с профсоюзами, всегда и везде объединяющими только наемных работников. Несовместимы такие корпорации и с самоуправляющимися предприятиями, принадлежащими работникам, «независимыми друг от друга и конкурирующими между собой», в условиях «демократии без дисциплины» — как это точно сформулировал тов. Анд-ропов.

Программа НТС, как видим, вчистую заимствована у итальянских фашистов, из их корпоративной программы: «служение одному делу», «одно общее «мы»» и т. д. Корпорации итальянских фашистов были созданы на месте разогнанных профсоюзов и запрещенных политических партий. Они олицетворяли единство всех классов общества (внутри корпораций) в интересах «одного дела» — в интересах Нации и Империи и означали полное закрепощение людей в интересах расширения империи.

Так вот, получается, что «Солидарность» «с социализмом ничего общего не имеет», а вот с фашизмом — имеет!

Не отставал от НТС и Солженицына и Максимов, заявляя, что «События в Польше происходят под знаком креста и национализма (в его оздоровительной форме)» (из письма Михайло Михайлову от

11 февраля 1981 года).

Кто во что горазд — только бы подальше от правды!

Одновременно фальсификаторы не забывали и об антизападной пропаганде. Солженицын в упомянутом выше интервью говорит: «Но что сделала Западная Европа и мир на помощь «Солидарности». В общем-то ничего. В общем больше щадили польское правительство. Никакой реальной поддержки не было».

Солженицыну вторят в своей брошюре энтээсовцы: «О Западе как действующей политической силе в польских событиях говорить не приходится. Освободительные движения всех поработанных коммунизмом стран должны с самого начала отдавать себе отчет: помощи от Запада ждать нечего, нужно надеяться только на отстройку собственных сил» (с. 154).

Но через две недели после интервью Солженицына Бернару Пиво «Монд», «Таймс» и «Шпигель» одновременно (13 ноября 1984 года — в день введения в Польше военного поло-

¹«Русская мысль».1.11.1984

жения) опубликовали интервью с Адамом Михником, который сказал о западной помощи следующее: «Какое колоссальное, замечательное движение солидарности с Польшей, с ее профсоюзом, какой поток помощи! Все поняли, что речь идет не только о будущем Польши, но и всего европейского континента и даже других районов земли».

Ложь Солженицына и НТС была здесь совершенно преднамеренная. Всем на Западе было известно, какая огромная материальная помощь шла в Польшу через церковь, а уж о моральной поддержке и говорить не приходится. Истоиво верующие Солженицын и энтээсовцы «забыли» об избрании кардинала Войтылы на папский престол, что сыграло большую роль в рождении «Солидарности», «забыли» и о Нобелевской премии мира Валенсе, о помощи МОТ (Международного объединения труда при ООН), международных профобъединений, правительств и общественных организаций.

Очень характерна была и позиция ведущих политических изданий русской эмиграции после разгона «Солидарности», в 1982—1987 годах. Пользуясь свободой и плюрализмом польской подпольной и эмигрантской прессы тех лет, в которой печатались и взгляды критиков руководства «Солидарности», русская эмигрантская пресса цитировала почти исключительно критические взгляды, создавая у читателей негативное отношение к «Солидарности». То есть русская эмигрантская пресса действовала наподобие прессы советской, точно так же пользовавшейся свободой критики в западной прессе, чтобы чернить Запад. Тон и здесь, в очернении «Солидарности», задавали «Посев» и «Континент», где особенно старалась Н. Горбаневская, знавшая польский язык.

Интересен и тот факт, что большая часть критических по отношению к «Солидарности» материалов брались из листков так называвшейся «Сражавшейся солидарности», созданной в те годы польскими органами ГБ и советскими, наверное, также. Значит, истинная «Солидарность», большинство активистов которой сидело в тюрьмах, не сражалась! Популярностью в русской эмигрантской прессе пользовалась и националистическая, фашиствующая группировка, называвшая себя «Конфедерацией независимой Польши». После освобождения Польши от советского диктата — от «Конфедерации», как и от «Сражающейся солидарности», и следа не осталось, как и от органов, их породившими! В Польше (и других бывших соцстранах Восточной и Центральной Европы) этим органам не позволили сохраниться!

Чем, кроме влияния упомянутых «органов», объяснялась нелюбовь русских политэмигрантов к «Солидарности»? Я беседовал на эту тему с эмигрантами и пришел к выводу, что их раздражало народное, рабочее происхождение «Солидарности» и ее руководителей, и конечно, их социалистические взгляды. Испытывали русские политэмигранты и зависть к тому, что польские диссиденты пользовались широкой поддержкой народа.

Этот обзор российской реакции на борьбу «Солидарности» я закончу удивительным фактом позднейшего времени. В 1998 году в московском марксистском журнале «Альтернативы» (редактор А. Бузгалин, доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ) была напечатана моя статья, в которой я писал, что пример и опыт создания «Солидарности» был бы очень полезен для утверждения демократического, кооперативного социализма в России. Но редакции журнала не нравится и кооперативный социализм, и «Солидарность», и она в советской манере пристегивает к моей статье критический отзыв члена редколлегии этого журнала, доктора экономических наук, профессора Эмиля Рудыка, который приводит следующий аргумент: «...не следует забывать, что одним из существенных источников

финансирования деятельности «Солидарности» были спецслужбы Запада и, в первую очередь, ЦРУ» (с. 171).

Это пишется через 13 лет после начала перестройки. Словно советская пропаганда и не прекращалась!